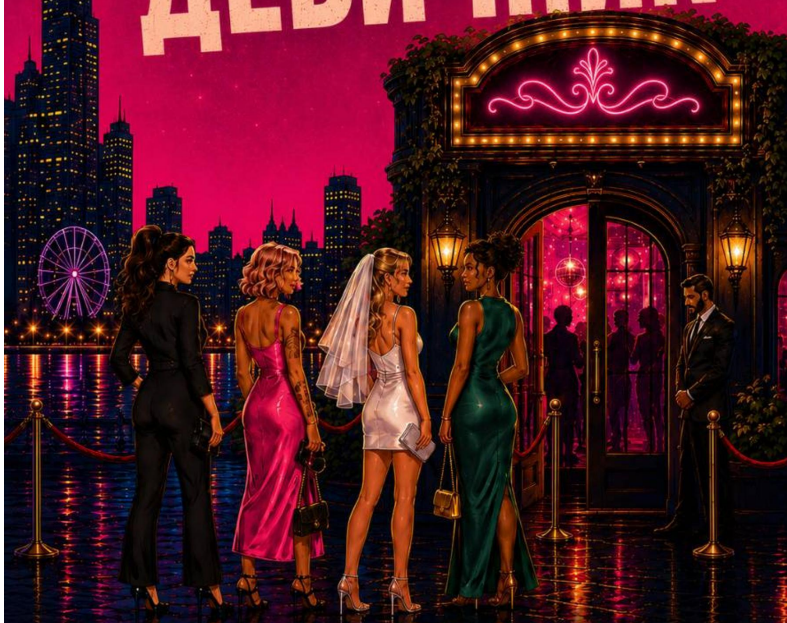

★ ПЯТНИЧНЫЕ ПЛАНЫ ★

ПОСЛЕДНИЙ ДЕВИЧНИК

★ ЭДДИ СЛОАН ★

Эдди Слоан

Последний девичник

<https://litres.ru/74370034>

SelfPub; 2026

Аннотация

Харпер Вейл умеет организовать всё. Особенно свадьбу лучшей подруги.

Расписание готово. Гости приехали. Платье ждёт. До церемонии два дня.

Есть только одна проблема: невеста Блайт вдруг признаётся, что не уверена, хочет ли вообще выходить замуж.

А потом подруги находят «Последнюю комнату» — странный клуб, которого нет ни на одной карте. Здесь коктейли знают слишком много, двери показывают жизнь, которую ты почти выбрала, а уйти можно только после одного неприятного условия: перестать врать самой себе.

К утру у Блайт нет ответа. Зато есть пять подруг, жених, который услышал гораздо больше, чем должен был, свадебное платье со своим характером и целый отелль людей, уверенных, что свадьба всё равно состоится.

Смешная, немного мистическая история о женской дружбе, чужих ожиданиях и праве передумать даже тогда, когда всё уже оплачено, гости приехали, а платье висит в шкафу.

Содержание

Глава 1. У свадебных выходных были правила	4
Глава 2. Один коктейль до того, как всё изменится	13
Глава 3. Клуба не было на карте	26
Глава 4. Первый раунд за счёт заведения	35
Глава 5. Будущая невеста. Бегущая невеста	46
Глава 6. Слоан встречает себя прежнюю	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Эдди Слоан

Последний девичник

Глава 1. У свадебных выходных были правила

Харпер Вейл верила в расписания.

Не просто любила порядок. И не считала планирование милым хобби.

Для неё расписание было способом выживания.

К пятнице свадебный уикенд существовал сразу в трёх экземплярах: в календаре телефона, в распечатанном плане и в папке на экстренный случай, которая лежала в её большой сумке. На папке было написано: «БЛАЙТ / НЕ ПАНИКОВАТЬ, ЕСЛИ НЕТ КРОВИ, УРАГАНА ИЛИ РАЗВАЛИВАЮЩЕГОСЯ ТОРТА».

Чикаго её усилий не оценил.

Чикаго выбрал ветер.

Не лёгкий ветерок, от которого красиво шевелится пальто. Настоящий, злой, личный ветер, который в ту же секунду, как Харпер вышла из машины у отеля «Марлоу», впечатал ей волосы в блеск для губ.

— Прекрасно, — пробормотала она, вытаскивая прядь

изо рта.

Телефон завибрировал.

Блайт: «Ты уже приехала?»

Харпер одной рукой набирала ответ, другой тащила через тротуар чехол с одеждой, сумку и коробку с лентами цвета слоновой кости для подарочных пакетов гостям.

Харпер: «Да. Через две минуты буду в холле. Без меня не накручивай себя».

Появились три точки.

Исчезли.

Появились снова.

Харпер слишком хорошо знала этот ритм.

Внутри было всё, что полагается дорогому отелю: мрамор, золотистый свет, орхидеи по цене небольшого отпуска и женщины в пальто, которые старательно делали вид, что не оценивают обувь друг друга.

Блайт Монро сидела у окна в кремовом трикотажном платье и выглядела ровно так, как должна выглядеть невеста за два дня до свадьбы: ухоженная, нежная, сияющая и на расстоянии одной сильной эмоции от полного развала.

Харпер заметила это сразу.

У надёжной подруги были свои побочные эффекты. Ты не имела права не замечать.

А если Харпер однажды перестанет быть полезной, она не была уверена, что её вообще будут так же охотно звать в самый центр чужой жизни.

— Вот и она, — бодро сказала Харпер, подходя к Блайт.
— Невеста. Легенда. Женщина, из-за рассадки гостей я постарела минимум на три года.

Блайт улыбнулась.

С опозданием.

Слишком старательно.

Харпер повесила чехол на спинку кресла и села рядом. Прежде чем спросить хоть что-нибудь, достала из сумки маленькую бутылку воды и протянула Блайт.

Та посмотрела на бутылку.

— А это зачем?

— Ты всегда забываешь пить, когда взрослые люди начинают задавать вопросы про цветочные композиции.

Уголки губ Блайт дрогнули.

— Это было один раз.

— На помолвочном бранче, на примерке платья и на дегустации меню.

— На дегустации была очень эмоциональная подливка.

Харпер почти улыбнулась.

Вот она.

На секунду вернулась.

Потом Блайт снова опустила глаза.

Харпер чуть придвинулась, закрывая её от двух женщин возле лифтов. Те наблюдали с тем бодрым любопытством, с каким люди надеются бесплатно получить немного свадебной драмы.

— Ладно, — уже тише сказала Харпер. — Что случилось?

— Ничего.

— Блайт.

— Всё нормально.

Харпер посмотрела на неё.

Блайт первой отвела взгляд.

За окном новый порыв ветра швырнул дождь в стекло серебряными полосами.

— Просто... — Блайт складывала и снова расправляла уголок коктейльной салфетки. — Все говорят, что я, наверное, ужасно счастлива и не могу дождаться свадьбы.

Харпер смягчилась.

— Но ты же счастлива.

— Да. — Блайт слишком быстро кивнула. — Конечно.

Харпер молчала.

На рояле в холле играли что-то медленное и безупречно ненавязчивое, отчего пауза между ними казалась ещё дороже.

Блайт опустила голос.

— А если я рада недостаточно?

Харпер не ответила сразу.

Это было необычно.

У Харпер всегда был ответ. План. Нужная интонация. Решение, которое при желании можно оформить списком с галочками.

Но сейчас Блайт выглядела такой маленькой внутри всей

этой свадебной безупречности, что готовый ответ застрял где-то в горле.

В этот момент появилась Слоан Мерритт. В одной руке чемодан, в другой кофе, на лице усталая властность женщины, которая собрала в поездку себя, двоих детей и мужа, успевшего спросить, где его паспорт, хотя лететь им предстояло внутри страны.

— Пока никто ничего не сказал: да, я забыла дезодорант. Нет, эмоционально обсуждать это я не готова.

Следом вошла Калла Рейес. Розовый шарф, идеальная помада, безупречные ресницы и блестящий чемоданчик, который выглядел так, будто выспался лучше всех присутствующих.

— Я взяла три аварийных оттенка помады, — объявила она. — Один говорит «невеста», второй «богатая вдова», третий «эмоционально доступна, но границы есть».

Последней появилась Грир Лоусон.

Чёрное пальто. Чёткое каре. Из багажа только кожаная сумка. И выражение лица человека, который уже нашёл все запасные выходы.

— Вижу, все добрались живыми, — сказала Грир. — Жаль. Я ставила на драку Слоан с парковщиком.

— Ещё не вечер, — сказала Слоан.

Блайт рассмеялась.

По-настоящему.

Харпер сразу стало легче.

Вот ради этого они и собрались.

Свадебный уикенд. ОТЕЛЬ. Расписание. Невеста, которой нужны рядом свои люди, прежде чем она войдёт в красивый, безупречно организованный механизм под названием «на-всегда».

Харпер открыла сумку и достала распечатанный план.

На первой странице под именем Блайт стояло имя Дориана, набранное элегантным чёрным шрифтом.

Блайт Монро и Дориан Хейл

Свадебный уикенд

Даже значок «и» выглядел дорого.

И очень окончательно.

Их имена уже были на приветственных карточках, бирках для подарков, пакетах в номерах и на ста двенадцати коктейльных салфетках, которые Харпер лично одобрила после трёх раундов обсуждения шрифта.

— Итак, — сказала она. — Правила.

Грир вздохнула.

— У нас есть правила?

— У нас всегда есть правила. Первое: не теряем невесту. Второе: никто не травится. Третье: никто не плачет при тёте Диане, если тётя Диана не заплакала первой. Если заплакала, Блайт немедленно эвакуируем.

Слоан отпила кофе.

— Полезно.

— Четвёртое, — продолжила Харпер, — сегодняшний ве-

чер проходит красиво, организованно и с минимальным эмоциональным риском.

Слоан скривилась.

— То есть скучно.

— Красиво, — поправила Харпер.

Калла наклонилась через плечо Блайт.

— В понятие «красиво» входит один коктейль, во время которого мы притворимся, что нам снова двадцать шесть и поясница ничего о нас не знает?

— Один, — сказала Харпер.

Блайт посмотрела на салфетку в руках и улыбнулась.

— Может, один.

Харпер заметила эту улыбку. Настоящую. Ту, что всё пыталась вернуться.

И ухватила за неё.

— Один коктейль, — согласилась она. — Пока всё не стало серьёзно.

Грир посмотрела на залитые дождём окна.

— По моему опыту, именно после таких фраз женщины портят себе жизнь.

Слоан подняла стакан с кофе.

— За традиции.

Харпер закатила глаза и снова взглянула на план.

Пятница вечером: приветственные коктейли.

Суббота: репетиция, бранч, семейный ужин.

Воскресенье: церемония.

У всего было своё место.

У всего было своё время.

Всё ещё можно было удержать.

И тут салфетка выскользнула из пальцев Блайт.

Упала на мрамор лицевой стороной вверх.

Харпер нагнулась, чтобы поднять её, и замерла.

Ещё минуту назад салфетка была пустой.

Теперь на ней тёмно-красными буквами было написано:

«Последняя ночь на свободе».

Харпер посмотрела на салфетку.

Потом на Блайт.

Та побледнела.

Но выглядела не удивлённой.

Скорее так, будто узнала что-то знакомое.

Будто слова не появились из ниоткуда, а наконец сказали
вслух то, о чём она сама старалась не думать.

Слоан перегнулась через плечо Харпер.

— Ну, — медленно сказала она. — Вечер становится за-
метно менее организованным.

Над Чикаго прогремел гром.

Распечатанный план соскользнул с колен Харпер, и стра-
ницы разлетелись по мраморному полу.

Одна упала чуть в стороне.

Лицевой стороной вверх.

И даже не шелохнулась.

Воскресенье. Церемония.

Харпер посмотрела на страницу.

На салфетку.

На Блайт.

Свадебный уикенд уже начал разваливаться.

Глава 2. Один коктейль до того, как всё изменится

Харпер первым делом подняла страницу из расписания.
Не салфетку.

Страницу.

Так было спокойнее.

Воскресенье. Церемония.

Надпись смотрела на неё с мраморного пола, как дедлайн, напечатанный на слишком хорошей бумаге.

Харпер вернула лист в стопку.

Только потом подняла салфетку.

«Последняя ночь на свободе».

Чернила выглядели влажными.

Но палец остался сухим.

— Так, — сказала Харпер.

Грир посмотрела на неё.

— Когда ты говоришь «так» таким голосом, обычно кому-то становится хуже.

— Наверняка реклама.

Слоан наклонилась ближе.

— Чья? Отдела эмоционального вредительства при отеле?

Калла осторожно взяла салфетку двумя идеально крашенными пальцами.

— Цвет красивый.

— Сейчас это не главное.

— Одно другому не мешает.

Блайт всё ещё была бледной.

Харпер сложила салфетку пополам и сунула в аварийную папку, словно от этого она могла стать менее настоящей.

— Сегодня вечером, — сказала Харпер, — мы идём на приветственные коктейли. Улыбаемся, едим что-нибудь с белком, избегаем тётю Диану и в одиннадцать уже спим.

Слоан уставилась на неё.

— Это режим отбоя или угроза?

— Граница.

— Границы намного привлекательнее, если в них предусмотрены танцы.

Блайт посмотрела на окна, по которым стекал дождь.

— Может, всё-таки куда-нибудь выйдем?

Харпер повернулась к ней.

— Куда?

Блайт слишком небрежно пожала плечами.

— Не знаю. Просто... туда, чего ещё нет в распечатанном плане.

Попала.

Сильнее, чем Харпер хотелось признавать.

Потому что у этих выходных было распечатано всё.

Расписание.

Приветственные карточки.

Списки номеров.

Контакты на экстренный случай.

Имена Блайт и Дориана красивым чёрным шрифтом.

То, чего не было на бумаге, Харпер не могла контролировать.

А когда она ничего не контролировала, становилось непонятно, зачем она вообще нужна.

Лицо Грир смягчилось примерно на полтона.

Калла села рядом с Блайт и легонько толкнула её плечом.

— Один коктейль. Где-нибудь красиво. И с освещением, которое уважает женщин старше двадцати пяти.

Слоан подняла стакан.

— И с вентиляцией. Напоминаю, я без дезодоранта.

Харпер, даже не глядя, сунула руку в коробку с подарками и достала миниатюрный дорожный дезодорант.

Слоан замерла.

— Ты пугаешь меня.

— Не благодари.

Слоан взяла флакон и тут же нахмурилась.

— Подожди. А свадебную машину вообще можно благодарить?

— Нет, — сказала Грир. — Она питается благодарностью.

Харпер закрыла глаза.

— У меня был план.

Это была её работа.

Её уикенд.

Её невеста.

Её правила.

А Блайт смотрела на неё тем самым взглядом, которым люди просят разрешения, стараясь не признаться даже себе, что оно им зачем-то понадобилось.

Харпер терпеть не могла раздавать разрешения.

В основном потому, что все постоянно ждали их именно от неё.

Она выдохнула.

— Один коктейль.

Слоан один раз хлопнула в ладоши.

Харпер ткнула в неё пальцем.

— Без хаоса. Без шотов. Без механических быков, дресс-кода со стразами и мужчин с планшетами у входа.

Грир кивнула.

— То есть без всего интересного.

— Именно.

Блайт потянулась к руке Харпер.

Быстро.

Почти незаметно, между папкой и коробкой с лентами.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Харпер посмотрела на неё.

На одну опасную секунду всё вокруг стало мягче.

— У тебя один коктейль.

Блайт улыбнулась.

— Один.

— А если потеряешься, я стану настолько невыносимой, что это придётся оформлять юридически.

— Ты уже почти там.

— Вот. Узнаю тебя.

Блайт снова рассмеялась по-настоящему.

Этого оказалось достаточно, чтобы здравый смысл Харпер окончательно проиграл.

Калла достала телефон.

— Сейчас найду место.

— Нет, — сразу сказала Харпер. — Я уже забронировала «Джунипер».

Калла покосилась на аварийную папку.

— «Джунипер» присылал нам салфетки с кроваво-красными посланиями?

— Нет.

— Тогда сервис явно проседает.

Харпер открыла телефон.

Календарь.

Ссылка на бронь.

Пятница, 20:30.

«Джунипер».

Она нажала.

Страница обновилась.

Потом ещё раз.

И показала короткое сообщение:

«Бронирование не найдено».

Харпер уставилась на экран.

— Нет.

Грир заглянула через плечо.

— Убедительно. Сработало?

Харпер обновила страницу.

То же самое.

«Бронирование не найдено».

Слоан ахнула.

— Тебя предал собственный календарь.

— Мой календарь на такое не способен.

— Похоже, он увидел салфетку и решил, что пора тебе расти над собой.

Харпер позвонила в ресторан.

Сразу голосовая почта.

Она полезла искать письмо с подтверждением.

Его не было.

Его не было ни в архиве, ни в корзине. Нигде.

По спине медленно поднялся неприятный холодок.

Калла подняла телефон.

— Я кое-что нашла.

— Нет.

— Ты даже не посмотрела.

— Я слышала твой голос.

Калла повернула экран к остальным.

Ни сайта.

Ни отзывов.

Только значок тёмно-красной двери рядом с рекой и название:

«Последняя комната».

Харпер нахмурилась.

— Это не похоже на приличный коктейль-бар.

— Здесь написано «лаунж».

— Здесь вообще ничего толком не написано. Просто дверь с завышенной самооценкой.

Слоан наклонилась к экрану.

— Мне уже нравится.

Грир забрала телефон у Каллы.

— Адреса нет?

— Только маршрут.

Калла снова посмотрела на свой экран.

— У меня показывает восемь минут.

Харпер взглянула на свой телефон.

Та же тёмно-красная дверь появилась и у неё на карте.

До места: 13 минут.

— Так расстояние не работает, — сказала Харпер.

Грир достала телефон.

Первые две секунды она выглядела скучающей.

Потом перестала.

— Что? — спросила Слоан.

Грир показала экран.

Ни маршрута.

Ни карты.

Всего две строчки:

«Вы уже на месте».

Никто не заговорил.

Слоан первой нарушила тишину.

— Либо сбой, либо личное оскорбление.

Телефон Блайт всё ещё лежал тёмным экраном у неё в руке.

Харпер заметила.

— Блайт?

Та моргнула.

— Что?

— Ты в порядке?

— Да. — Слишком быстро. — Просто...

Калла чуть наклонила голову.

— Что?

Блайт сглотнула.

— Кажется, я слышала об этом месте.

Грир сразу насторожилась.

— От кого?

— Не помню.

Харпер почти физически чувствовала, как вечер ускользает из рук.

До приветственных коктейлей оставалось сорок минут.

Флорист уже написал дважды.

Мать Дориана успела спросить, действительно ли ленты цвета слоновой кости, а не «почти слоновой кости». Хар-

пер решила не считать это чрезвычайной ситуацией исключительно потому, что пока никто не истекал кровью.

И вот теперь они всерьёз обсуждали бар без адреса, который появился на телефонах после того, как салфетка предложила им спонтанность.

— Нет, — сказала Харпер.

Блайт посмотрела на неё.

Не умоляюще.

Хуже.

С надеждой.

У Харпер сжалось внутри.

Первой сдалась Слоан.

— Харпер.

— Нет.

— Один коктейль.

— Эта фраза с каждой минутой звучит всё подозрительнее.

Калла встала и поправила шарф.

— Сходим. Сделаем фотографии. Уйдём. Вернёмся к элегантным страданиям.

Грир посмотрела на время.

— Если место окажется ужасным, я сообщу об этом немедленно.

— Ты всегда сообщаем об этом немедленно, — заметила Слоан.

— Я предлагаю стабильность.

Блайт коснулась запястья Харпер.

— Пожалуйста. Просто что-нибудь незапланированное.

Пока всё ещё не... решено за нас.

Харпер посмотрела на неё.

На кремовое платье.

На сложенные руки.

На лицо, которое улыбалось с приглашений, предварительных карточек с датой свадьбы, приветственных наборов в отеле и свадебного сайта, где без тени иронии было написано: «Здесь начинается наше навсегда».

Харпер убрала расписание в сумку.

— Один коктейль.

Слоан расплылась в улыбке.

Калла уже доставала помаду.

Грир вздохнула с видом человека, который выше всего этого и, конечно, идёт со всеми.

Блайт улыбнулась.

На этот раз по-настоящему.

Ради такой улыбки Харпер могла почти простить вселенную.

Почти.

Они вместе пошли через холл.

Пять женщин в пальто и на каблуках, с тревогой свадебного уикенда за плечами и хрупкой верой в то, что одно маленькое плохое решение можно удержать в разумных пределах.

У вращающейся двери телефон Харпер завибрировал.
Дориан.

Дориан: «Всё нормально? Блайт не отвечает».

Харпер посмотрела на Блайт.

Телефон был у неё в руке.

Экран всё ещё тёмный.

Харпер набрала:

Харпер: «Она с нами. Всё хорошо».

Помедлила.

И добавила:

Харпер: «Быстро выпьем по одному коктейлю».

Ответ пришёл почти сразу.

Дориан: «Конечно. Присмотри за ней».

Совершенно нормальная просьба.

Совершенно добрая.

И почему-то тяжёлая.

Харпер убрала телефон в карман.

На улице ветер ударил их сбоку.

Слоан выругалась.

Калла рассмеялась.

Грир сказала:

— Уже ошибка.

Блайт запрокинула лицо под дождь.

И улыбнулась так, будто погода только что разрешила ей что-то важное.

Харпер открыла маршрут на телефоне Каллы.

Карта показала дорогу.

Потом, всего на секунду, синяя линия изменилась.

Не совсем сбой.

Скорее город моргнул.

Маршрут вёл не к улице.

К двери.

Чёрной.

Между зданиями, которых на карте не было.

Потом Чикаго пришёл в себя.

Обычные улицы.

Обычная река.

Обычный дождь.

Харпер остановилась.

Слоан врезалась в неё сзади.

— Что?

Харпер смотрела на экран.

— Ничего.

Грир прищурилась.

— У тебя сейчас было совсем не лицо «ничего».

— Всё нормально.

Слоан простонала.

— Новое правило. В эти выходные никто не говорит «всё нормально».

И тут телефон Блайт вспыхнул в её руке.

Без вибрации.

Без звука.

Просто включился.

На экране появились белые буквы:

«Компания невесты. Вам сюда».

Блайт застыла.

Холодок у Харпер добрался до затылка.

Сообщение исчезло.

Карта снова стала обычной.

«Последняя комната».

До места: 13 минут.

Глава 3. Клуба не было на карте

Первые тринадцать минут заняли двадцать шесть.

Харпер знала точно: она проверяла.

Не один раз.

Маршрут менялся так, будто делал это ей назло. Один квартал превращался в три. Поворот налево внезапно становился петлёй. Синяя линия мигала, исчезала, возвращалась и совершенно спокойно предлагала пройти через многоуровневую парковку, в которой, по вполне разумным представлениям Харпер о городской архитектуре, никак не мог находиться лаунж-бар.

— Вот так люди и попадают в подкасты про реальные преступления, — сказала Грир.

Слоан плотнее запахнула пальто, пока ветер задувал дождь за воротник.

— Отлично. Всегда мечтала, чтобы муж потом рассказывал на камеру, как я «освещала собой любую комнату».

— Ты правда умеешь оживлять комнату, — сказала Калла.

— Я оставляю по комнатам упаковки от снеков. Это немного другое наследие.

Блайт шла рядом с Харпер и была тише обычного.

Харпер заметила.

Она всегда замечала.

— Всё ещё хочешь тот самый один коктейль? — спросила она.

Блайт посмотрела на неё.

Дождь уже растрепал тщательно уложенные волны. Теперь она меньше походила на женщину со свадебного сайта и больше на ту двадцатитрёхлетнюю девушку, которую Харпер когда-то застала босой на кухонной стойке с хлопьями в кружке после ужасного свидания.

— Да, — сказала Блайт.

И после короткой паузы добавила:

— Наверное.

Харпер хотела сказать, что они ещё могут развернуться. Что приветственные коктейли наверняка можно спасти, тётю Диану удержать возле сырной тарелки, Дориан всё поймёт, а об этом коротком эпизоде, когда они всерьёз пошли за значком двери в мокрый чикагский вечер, никто никогда не узнает.

Но рука Блайт коснулась её руки.

Не взяла за неё.

Просто была рядом.

Харпер пошла дальше.

Карта увела их с ярко освещённой улицы мимо закрытого цветочного магазина, где к стеклу прижимались белые розы, мимо химчистки с мигающей вывеской, мимо магазина алкоголя, у входа в который мужчина в бейсболке ругался с лотерейным автоматом.

И тут Калла остановилась.

— Там.

Между химчисткой и магазином была чёрная дверь.

Без вывески.

Без очереди.

Из стен не гремела музыка.

Просто узкая чёрная дверь с латунной ручкой и небольшой табличкой на уровне глаз.

«Последняя комната».

Слоан уставилась на неё.

— Это не клуб. Это место, куда клубы приходят разбираться с детскими травмами.

Грир оглядела улицу.

— Адреса нет.

Харпер проверила телефон.

Карта исчезла.

Не пропал интернет.

Пропала сама карта.

Белый экран.

Потом появилась одна строчка:

«Вы прибыли».

Харпер выключила экран.

— Нет. Даже не обсуждается.

Калла уже поправляла помаду, используя чёрную дверь как зеркало.

— Если нас убьют, хотя бы цвет губ соответствует эстети-

ке.

Слоан открыла маленькую сумочку и достала сложенную белую ленту.

«Будущая невеста».

Блайт моргнула.

— Ты это привезла?

Слоан оскорблённо подняла брови.

— Конечно. Я забыла дезодорант, а не зачем приехала.

Калла не дала Блайт возразить и закрепила в её волосах маленькую жемчужную вуаль на гребне.

— Готово. Если исчезнем, по фотографиям хотя бы будет понятно, по какому поводу.

Блайт коснулась вуали и рассмеялась.

— Вы все ненормальные.

— Да, — сказала Грир. — А ты продолжаешь нас приглашать.

Харпер поправила ленту на пальто Блайт, чтобы лежала ровно.

Движение вышло автоматическим.

Сначала забота. И лишь потом желание всё исправить.

Блайт поймала её руку.

Не крепко.

Просто удержала.

Калла посмотрела на них и неожиданно тихо сказала:

— Ты правда отлично выглядишь.

Улыбка Блайт стала мягче.

— Спасибо.

Потом она спохватилась.

— Я тебе. Не двери.

Слоан серьёзно кивнула.

— Важное уточнение.

Харпер потянулась к ручке.

Грир перехватила её за запястье.

— Стой.

Харпер посмотрела на неё.

Лицо у Грир оставалось сухим только по выражению.

Дождь блестел на ровном срезе её каре.

— Мы не знаем, что это такое.

— Вот я и проверяю.

— Нет. Так проверяют только в фильмах ужасов.

Слоан подняла руку.

— Как замужняя мать двоих детей, официально заявляю: до воскресенья меня убивать нельзя. У меня школьные формы не подписаны.

Блайт снова рассмеялась.

Тихо.

Но по-настоящему.

Дверь открылась раньше, чем Харпер успела к ней прикоснуться.

Изнутри пахло теплом.

И это был не привычный клубный запах пива, духов, пота и басов.

Апельсиновая цедра. Воск свечей. Хороший джин. И едва уловимые розы после дождя.

За дверью вниз уходила узкая лестница.

Внизу горел красный свет.

До них долетала музыка.

Негромкая.

Знакомая.

Слишком знакомая.

Блайт застыла.

Харпер посмотрела на неё.

— Что?

— Эта песня, — прошептала Блайт.

Музыка была старой, тихой, почти растворённой в шуме дождя.

Харпер узнала её через секунду.

Именно она играла в их первой квартире после одного особенно мерзкого расставания Блайт. Тогда они в два часа ночи танцевали в носках на кухне, потому что обоим проще было танцевать, чем произнести слово «одинокчество».

Вечер вдруг слегка накренился.

Грир тоже узнала песню.

По её лицу было видно: ей совершенно не нравится, когда архитектура слишком много знает о её чувствах.

— Нет, — сказала она.

Слоан смотрела вниз по лестнице.

— Меня бесит, что я хочу войти.

— Меня тоже, — сказала Калла. — Чисто эстетически.

Внизу появился мужчина.

Высокий.

Тёмный костюм.

Серебристые волосы.

Ни зонта.

Ни планшета.

Это почему-то было хуже.

На лацкане белая роза.

По краям лепестки подсохли и потемнели.

Он улыбнулся так, будто они опаздывали на бронь, сделанную несколько месяцев назад.

— Компания невесты, — окликнул он их.

Харпер напряглась.

— У нас нет брони.

Улыбка мужчины не изменилась.

— Конечно есть.

Блайт чуть придвинулась к Харпер.

Та почувствовала лёгкое касание плеча.

Старое, почти детское: не отпускай.

И не отпустила.

На секунду переплела пальцы с пальцами Блайт.

Потом посмотрела вниз.

— Мы только на один коктейль.

Взгляд мужчины прошёл от Харпер к Блайт, потом к остальным.

— Все так говорят.

Слоан наклонилась к Грир.

— Швейцар красивый. По-похоронному.

— Такой категории привлекательности не существует, — сказала Грир.

— Но ты сразу поняла, о чём я.

Калла подняла телефон, чтобы сфотографировать вход.

На экране была только темнота.

Ни двери.

Ни таблички.

Ни пяти женщин под дождём.

Просто чёрный прямоугольник.

Калла медленно опустила телефон.

— Вот это уже невежливо.

Харпер посмотрела на дверь.

Потом на Блайт.

Сейчас был тот самый момент.

Разумный.

Когда она должна была развернуть всех, вызвать машину и вернуть в мраморный холл, к приветственным коктейлям и управляемому свету.

Блайт сжала её руку.

Уже не просила.

Признавалась.

Харпер выдохнула.

— Один коктейль.

Мужчина внизу улыбнулся шире.

— Последний, — сказал он.

Красный свет мигнул.

И телефоны всех пятерых погасли одновременно.

Глава 4. Первый раунд за счёт заведения

Лестница была слишком узкой, чтобы спускаться по ней с достоинством.

Харпер пошла первой, потому что, видимо, лидерство и означает добровольно соглашаться быть убитой в удобных туфлях.

Сзади Слоан пробормотала:

— Если я упаду, скажите детям, что я погибла, уклоняясь от приветственных коктейлей.

— Ты не упадёшь.

— Ты этого не знаешь. Эти туфли сделаны для фотографий, а не для эвакуации.

Пока они спускались, красный свет скользил по стенам. Не мигал.

Дышал.

Музыка менялась почти на каждой ступеньке.

Сначала снова прозвучала песня из старой квартиры Харпер и Блайт.

Потом та, которую Калла едва слышно напевала себе под нос.

А затем вступил бас, на который Слоан тихо сказала:

— Нет, только не это.

Так говорят о песне, которая однажды уже присутствовала при очень сомнительном решении в колледже.

На середине лестницы Грир остановилась.

— Эта песня не является общедоступной информацией.

Мужчина у входа снизу поднял на неё глаза.

— Большинство песен не являются.

Никому не понравился этот ответ.

Внизу лестница вывела их в помещение, которое физически не должно было помещаться под этой улицей.

«Последняя комната» оказалась баром с бархатными диванами, низкими свечами, зеркальными стенами, тёмным деревом и стойкой, подсвеченной янтарным светом. За стойкой стояли бутылки, слишком старые и дорогие для людей, которые ещё выплачивают студенческие кредиты.

Повсюду были люди.

Смеялись.

Танцевали.

Склонившись друг к другу, разговаривали над коктейлями.

Красивые, да.

Но не той глянцевої красотой, которую собирают в модных ночных клубах.

Здесь было что-то другое.

Будто каждого человека выбрали специально, чтобы он оказался чьим-то «почти».

Харпер почувствовала, как Блайт остановилась рядом.

— Ладно, — тихо сказала Калла. — К сожалению, здесь потрясающе.

Слоан огляделась.

— Терпеть не могу, когда у опасности хороший свет.

Грир сразу начала искать выходы.

Харпер увидела три.

Моргнула.

Два.

Потом один.

Потом ни одного.

Она посмотрела снова.

Позади была лестница.

Конечно была.

Наверное.

Швейцар вдруг оказался рядом, хотя Харпер не видела, чтобы он пересекал зал.

— Ваш столик готов.

Харпер повернулась к нему.

— Мы не бронировали столик.

Он улыбнулся.

— Компании невест редко помнят всё, что забронировали.

Он повёл их через зал.

По мере того как они проходили мимо, разговоры вокруг становились тише.

Не прекращались.

Просто приглушались, словно клуб освобождал им место.
У их дивана уже стояло серебряное ведёрко.

Но не с шампанским.

Пять широких бокалов.

Пять коктейлей.

Все разные.

Все безупречные.

Харпер не села.

— Мы ничего не заказывали.

Бармен за их спиной продолжал полировать бокал, даже не взглянув на них.

Он выглядел то старше швейцара, то моложе. И ни один вариант не казался правильным. Чёрная рубашка была застёгнута под самое горло, а на одном пальце блестело серебряное кольцо в форме ключа.

— Первый раунд за счёт заведения, — сказал он.

— Так не бывает, — отозвалась Грир.

Бармен наконец посмотрел на неё.

Молодое лицо.

Старые глаза.

Кольцо-ключ тихо стукнуло о стекло.

— Не бесплатно, — уточнил он. — Уже включено.

— Во что? — спросила Харпер.

Он улыбнулся.

— В эту ночь.

Калла подняла маленькое меню со стола.

В нём было пять коктейлей.

Без цен.

Без состава.

Только названия.

«Почти невеста».

«Та, которая осталась».

«Лицо, которого хотят все».

«Условия договора».

«Та, что всё спланировала».

Никто не потянулся к бокалу.

Слоан первой нарушила молчание.

— Меня оскорбляет то, что я слишком точно понимаю, какой из них мой.

Блайт смотрела на «Почти невесту».

Белая лента на её пальто вдруг стала выглядеть слишком яркой.

Харпер взяла меню.

Последним стоял коктейль «Та, что всё спланировала».

Разумеется.

Калла коротко рассмеялась.

— Индивидуальный подход. Либо люкс-сервис, либо преступление.

Грир посмотрела на бармена.

— А если мы не будем пить?

Его взгляд прошёл по столу.

— Тогда будете разговаривать.

Слоан тут же села.

— Предпочитаю жидкость.

Харпер схватила её за запястье.

— Нет.

Слоан подняла глаза.

— Я пошутила.

— Правда?

— Процентом на пятьдесят шесть.

Блайт медленно села, всё ещё оглядывая зал.

Харпер устроилась рядом.

Не потому, что расслабилась.

Скорее потому, что если мебель здесь собиралась их при-
своить, Харпер предпочитала иметь свидетелей.

Музыка снова сменилась.

Блайт закрыла глаза.

Харпер знала эту песню.

Но не из их старой квартиры.

Она звучала на помолвке Блайт и Дориана.

Их первый танец.

Только здесь её замедлили.

И испортили ровно настолько, чтобы стало неудобно.

Словно кто-то вывернул красивый романтический мо-
мент наизнанку и показал швы.

Губы Блайт дрогнули.

Всего один раз.

Харпер заметила.

И впервые за вечер вместо желания всё контролировать почувствовала кое-что хуже.

Понимание.

Блайт не просто боялась этой двери.

Часть её хотела узнать, куда она ведёт.

Харпер от этого стало страшно.

Не потому, что Блайт была неправа.

А потому, что Харпер не знала, как защитить человека от того, что он сам, возможно, выберет.

Телефон Блайт вдруг загорелся на столе.

Он был выключен.

Телефоны у всех были выключены.

Теперь на экране сияло сообщение без имени отправителя:

«Будущая невеста?»

Лента на груди Блайт изменилась.

Без дыма.

Без искр.

Просто буквы начали двигаться там, где буквы двигаться не должны.

«Будущая невеста»

превратилось в

«Бегущая невеста».

Калла ахнула.

Слоан прошептала:

— Очень грубо. Но межбуквенный интервал безупреч-

ный.

Блайт вцепилась в ленту.

Надпись не исчезла.

Харпер тоже потянула ткань.

Лента затянута, будто приросла к пальто.

— Сними её, — сказала Блайт.

— Пытаюсь.

Первой двинулась Калла.

Она села рядом с Блайт и накрыла ладонью её дрожащие пальцы.

— Дыши. Маленький вдох. Тушь не отдаём в жертву этому месту.

Слоан двумя пальцами отодвинула подальше нетронутый бокал Блайт.

— И никто с перепугу не пьёт проклятый коктейль. Именно так у документальных сериалов появляется второй сезон.

Грир встала за их спинами и загородила диван от остального зала.

На эту минуту они перестали быть подружками невесты.

Они стали стеной.

В груди у Харпер одновременно что-то сжалось и отпустило.

Бармен положил на стол маленькие золотые ножницы.

Харпер уставилась на них.

— Они у вас заранее были готовы?

Он чуть наклонил голову.

— Разве у подружек невесты не всегда есть ножницы?
Харпер схватила их и разрежала ленту.

Ткань раскрылась.

Надпись исчезла.

Блайт выдохнула.

Калла всё ещё держала её за руку.

Слоан пробормотала:

— Хорошо. Отлично. Ткань снова ведёт себя как ткань.

И тут разрезанные края завернулись внутрь.

Лента соскользнула с пальто Блайт, упала на стол и сама сложилась в аккуратную белую полоску.

На ней появилась новая надпись:

«Пока нет».

Грир выпрямилась.

— Мы уходим.

Лестницы за их спинами не было.

Вместо неё появилась зеркальная стена.

В зеркале отражался их столик.

Пять женщин.

Пять бокалов.

Одна невеста.

А за спиной Блайт была светящаяся дверь, которой в зале не существовало.

Харпер обернулась.

Ничего.

Снова посмотрела в зеркало.

Дверь оставалась на месте.

Над ней мягким золотым светом было написано:

«Выход для невесты».

Блайт увидела.

Её лицо сразу изменилось.

Не испуг.

Узнавание.

Словно какая-то часть её всё это время ждала именно такой таблички.

Харпер встала между Блайт и зеркалом.

— Нет.

Голос швейцара донёсся откуда-то сзади.

— Это тоже говорят все.

Бокал Слоан сдвинулся раньше, чем она успела к нему прикоснуться.

Следом бокал Каллы.

Потом Грир.

Потом Харпер.

Все пять бокалов сами скользнули по столу и образовали идеальный круг вокруг разрезанной ленты.

Свеча в центре погасла.

В зеркале «Выход для невесты» приоткрылся.

Совсем чуть-чуть.

Из щели пролился тёплый золотой свет.

Блайт прошептала:

— А если это и правда выход?

Харпер нашла её руку под столом.

На этот раз сжала крепко.

— Тогда мы не идём по одной.

Бармен улыбнулся.

Серебряный ключ на его пальце один раз стукнул по дереву.

И первый раунд начал наливаться сам.

Глава 5. Будущая невеста. Бегущая невеста

Коктейли наливались сами и делали это с безупречными манерами.

Ни брызг.

Ни пены.

Ни дешёвого театра.

Пять тонких струй появлялись из ниоткуда и ровно попадали в пять бокалов, словно невидимые бармены окончили лучшую школу сервиса для проклятых заведений.

Слоан смотрела не моргая.

— Ненавижу, когда у зла есть стандарты обслуживания.

Калла невольно наклонилась ближе.

— Но бокалы потрясающие.

— Калла.

— Я сказала «потрашающие», а не «безопасные».

Все пять бокалов наполнились до одного уровня.

И остановились.

Свеча между ними снова зажглась.

Синим пламенем.

Харпер не нравилось синее пламя.

От него веяло чем-то, что должно быть запрещено страховкой.

Грир наклонилась над столом.

— Никто не пьёт.

Слоан подняла обе руки.

— Я всё поняла. Под угрозой смерти я прекрасно обучаюсь.

Блайт сидела неподвижно. Ладонь Каллы всё ещё лежала поверх её руки.

Разрезанная лента осталась в центре стола.

«Пока нет».

Теперь буквы выглядели не написанными, а вышитыми.

Как будто навсегда.

Харпер потянулась за лентой.

Та отъехала в сторону.

Не резко.

Хуже.

Вежливо.

Слоан ткнула в неё пальцем.

— Нет. Ткань не может устанавливать границы.

За соседним столиком рассмеялась женщина.

Харпер повернула голову.

Минуту назад там никого не было.

Теперь сидели три женщины в одинаковых атласных платьях подружек невесты оттенка «дорогое сожаление». У каждой в руке коктейль. Все трое смотрели на Блайт яркими неподвижными улыбками.

Одна подняла бокал.

— За невесту.

Блайт вздрогнула.

Харпер встала.

— Мы уходим.

Зал заплодировал.

Негромко.

Лёгкие хлопки прокатились от столика к столику, будто

Харпер только что сказала что-то милое во время тоста.

Калла прошептала:

— Почему ощущение, что они это репетировали?

Грир посмотрела на зеркальную стену, где должна была
быть лестница.

Выхода всё ещё не было.

Только отражение.

Пять женщин за столом.

Пять бокалов.

Белая лента.

И золотая дверь за спиной Блайт.

«Выход для невесты».

Она открылась чуть шире.

Совсем немного.

Достаточно, чтобы увидеть движение за ней.

Белый коридор.

Цветы.

Вспышку фаты.

Блайт резко вдохнула.

Харпер снова встала между ней и зеркалом.

Её отражение повторило движение.

С опозданием в долю секунды.

Грир тоже это увидела.

— Харпер.

— Знаю.

И Харпер ненавидела то, что действительно знала.

Швейцар появился возле дивана.

Без шагов.

Без предупреждения.

Просто оказался рядом со своей подсохшей белой розой
и улыбкой красивого человека на похоронах.

— Первый раунд ждёт.

— Мы его не будем пить, — сказала Харпер.

— Комната не возражает.

Слоан прищурилась.

— Тогда чего комната хочет?

Швейцар посмотрел на Блайт.

Синее пламя свечи наклонилось в её сторону.

— Перед свадьбой принято быть честными.

Грир встала окончательно.

— Нет такой традиции.

Блайт опустила глаза на руки.

Коктейль «Почти невеста» перед ней изменил цвет.

Из бледно-золотого стал белым.

Молочным.

Потом прозрачным.

Как фата, растворившаяся в воде.

На поверхности проступило изображение.

Не буквы.

Маленький проход между рядами стульев.

Арка.

Крошечная Блайт медленно идёт к мужчине, который ждёт впереди.

Дориан.

Даже в жидкости Харпер узнала его силуэт.

Прямые плечи.

Спокойная поза.

Та особенная неподвижность человека, который уверен, что ждать — это уже проявление любви.

— Нет, — прошептала Блайт.

Изображение изменилось.

Проход стал длиннее.

Дориан отодвинулся дальше.

Слоан отклонилась назад.

— Можно напиток перестанет выдавать символизм?

Калла схватила салфетку и накрыла бокал.

Картинка исчезла.

И тут по салфетке расплзлись тёмно-красные буквы:

«Ты всё равно пойдёшь?»

Блайт издала такой тихий звук, что Харпер скорее почувствовала его, чем слышала.

Она схватила салфетку.

— Нет.

Буквы проступили на её пальцах.

Холодные.

Не мокрые.

Просто холодные.

Блайт смотрела на её руку.

— Я думала об этом.

За столом стало тихо.

Даже музыка будто приглушилась.

Харпер посмотрела на неё.

— О чём?

Голос Блайт едва держался.

— Именно об этом. Эта фраза у меня уже была в голове.

Синее пламя выпрямилось.

Коктейли блеснули.

Комната слушала.

Первым желанием Харпер было всё прекратить.

Сказать, что у всех бывают сомнения. Что свадьба — это стресс. Что Блайт устала и мало ела. Что Дориан её любит. Что платье идеально. Что принимать жизненно важные решения при проклятом синем освещении вообще не рекомендуется.

Всё это было правдой.

И всё бесполезно.

Поэтому Харпер сделала сложнее.

Села.

Не напротив Блайт.

Рядом.

— Что именно ты думала? — спросила она.

Блайт посмотрела на неё так, будто вопрос был страшнее клуба.

— Я думала... если просто продолжу идти, может, по дороге превращусь в ту версию себя, которая уже уверена.

Лицо Грир изменилось.

Калла крепче сжала руку Блайт.

Слоан замерла.

Изображение в коктейле исчезло.

По бокалу прошла тонкая трещина.

Жидкость не пролилась.

Харпер накрыла ладонь Блайт своей.

Не чтобы остановить.

Чтобы остаться рядом.

Синее пламя стало мягче.

На нежность комната отреагировала почти разочарованно.

Белая лента дрогнула.

Надпись изменилась:

«Зачем ты пришла?»

Блайт покачала головой.

— На девичник.

Лента скрутилась на столе ту же.

«Зачем ты пришла?»

Слоан потянулась к ней.

Грир поймала её за запястье.

— Не трогаем проклятые свадебные аксессуары.

— Принято.

Блайт закрыла глаза.

— Потому что все этого хотели.

Лента замерла.

Комната — нет.

По клубу прошёл низкий звук.

Это была не музыка и не гром, а чистое разочарование.

Три женщины в одинаковых атласных платьях за соседним столиком улыбнулись ещё шире.

Калла тихо сказала:

— Попробуй ещё раз.

Блайт открыла глаза.

Слёзы уже стояли в них, но пока не текли.

— Я пришла потому... — Она посмотрела в зеркало, на золотую дверь за собственной спиной. — Потому что хотела ещё одну ночь, когда никто не скажет, как мне повезло.

Слово упало на стол между ними.

Повезло.

Так говорили все с момента помолвки.

Как Блайт повезло, что Дориан выбрал её.

Как повезло с освободившейся датой в этом отеле.

Как идеально село платье.

Как повезло, что семья жениха её любит.

Как удачно всё сложилось.

«Повезло» звучало так, будто Блайт посадили в комнату под названием «счастье» и теперь от неё требовалось лишь быть благодарной за место.

Синее пламя стало золотым.

Коктейли потускнели.

Три одинаковые подружки невесты исчезли.

Столик остался пустым.

Лента Блайт расслабилась.

Надпись снова изменилась.

Не вернулась к прежней.

Теперь там было:

«Невесте решать».

Слоан выдохнула.

— Уже менее враждебно.

Калла провела пальцем под глазом.

— Никаких жертв туши, — напомнила она себе и всё-таки размазала её.

Грир смотрела на Блайт.

Без привычной колкости.

Просто внимательно.

Харпер протянула руку к ленте.

На этот раз та позволила себя взять.

Харпер аккуратно сложила её.

Доверия к ленте это не добавило.

— И что теперь? — спросила Харпер.

Швейцар посмотрел в сторону зеркала.

«Выход для невесты» прикрылся наполовину.

Не исчез.

Ждал.

— Ночь продолжается.

— Спасибо, нет, — сказала Слоан.

Один сухой лепесток сорвался с розы на лацкане мужичины.

И полетел вверх.

К потолку.

Калла уставилась на него.

— Простите, лепестки так не делают.

Музыка сменилась.

Стала громче.

Ярче.

Танцевальной, из тех, под которые тело начинает двигаться раньше здравого смысла.

Вместе с музыкой изменился и клуб.

Свет потеплел. Люди засмеялись. У бара кто-то радостно закричал. «Последняя комната» вдруг стала, совершенно неприлично, весёлой.

Слоан выглядела преданной.

— Нет.

Харпер повернулась к ней.

— Что?

Слоан смотрела на танцпол.
Там была женщина.
Смеялась.
Кружилась.
Распущенные волосы.
Без обручального кольца.
Без телефона в руке.
Без усталости в плечах.
Слоан знала её.
И почему-то знали все остальные.
Потому что это была Слоан.
На десять лет моложе.
И смотрела прямо на них.
Молодая Слоан подняла руку.
Кольца на пальце не было.
Потом одними губами сказала:
«Наконец-то».
Слоан прошептала:
— Даже не начинай.

Глава 6. Слоан встречает себя прежнюю

Слоан не двигалась.

Что само по себе было достижением, потому что песня уже пыталась обмануть её тело.

Яркая. Быстрая. Бесстыжая.

Та самая музыка, под которую женщины говорят «только один» про танец, коктейль, сообщение бывшему и вообще про все решения, из-за которых нормальный вечер внезапно перестаёт быть нормальным.

Молодая Слоан стояла посреди танцпола.

Без кольца.

Без усталости.

Без списка продуктов, который постоянно жил где-то на заднем плане её головы.

Она подняла обе руки и закружилась, смеясь так, будто в её жизни ещё не существовало ни одной формы, которую надо подписать и вернуть в школу.

Калла прошептала:

— Она потрясающе выглядит.

Слоан медленно повернула к ней голову.

Калла поморщилась.

— В смысле, пугающе. Пугающе потрясающе.

Грир наклонилась ближе.

— Это не можешь быть ты.

Слоан не отрывала глаз от танцпола.

— Это я.

— У тебя сейчас намного больше здравого смысла.

— И консилер лучше.

Харпер потянулась к разрезанной ленте возле руки Блайт и остановилась.

Другая проверка.

Другая женщина.

Клуб переключился на следующую.

Музыка отдавалась в полу.

Молодая Слоан указала на Слоан, потом согнула палец.

Иди сюда.

Слоан сухо рассмеялась.

— Нет.

Свет над танцполом вспыхнул.

Все лица в клубе повернулись к ней.

Не осуждающе.

Приглашающе.

Это было хуже.

Блайт коснулась её руки.

— Ты не обязана.

Слоан посмотрела на неё.

— Знаю.

Но голос звучал так, будто не знает.

На столе загорелся её телефон.

До этого он был выключен.

Конечно был.

На экране появилось уведомление:

«Требуется подтверждение возраста».

Слоан нахмурилась.

— Что?

Экран вспыхнул ярче.

«Подтвердите возраст: 24».

Слоан уставилась на телефон.

Потом на танцпол.

Молодая Слоан снова рассмеялась.

Харпер наклонилась к экрану.

— Ничего не нажимай.

— Я и не собиралась.

Большой палец Слоан завис в сантиметре от экрана.

Грир посмотрела на неё.

— Ты абсолютно точно собиралась.

Слоан убрала руку.

— У меня проблемы с авторитетами, особенно когда меня проверяет на возраст моя собственная молодость.

Бармен появился с маленьким чёрным подносом.

На нём лежала карточка.

Не банковская и не клубная. Водительское удостоверение штата Иллинойс.

Слоан Мерритт.

Двадцать четыре года.

На фотографии она улыбалась слишком широко.

Волосы длиннее.

Глаза ярче.

Женщина, которая ещё верила, что усталость когда-нибудь закончится сама.

Слоан не прикоснулась к карточке.

— Очень мило.

Ей не поверил никто.

Бармен положил удостоверение на стол.

Его серебряное кольцо-ключ тихо стукнуло о поднос.

— Правила заведения.

— У этого заведения отвратительные правила, — сказала Грир.

Карточка сама скользнула к Слоан и остановилась у её ладони.

Дата рождения дрогнула.

Потом изменилась.

Не день и месяц.

Возраст.

Тридцать четыре.

Двадцать четыре.

Тридцать четыре.

Двадцать четыре.

Калла сглотнула.

— Даже цифры здесь хамят.

Слоан резко отодвинула стул.

— Я в туалет.

Харпер сразу поднялась.

— Я с тобой.

— Нет. — Слоан выдавила улыбку. — В туалет я пока ещё способна сходить без комиссии.

Грир подняла брови.

— В этом месте довольно смелое заявление.

Слоан посмотрела на танцпол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.